

А. А. Джагарян¹**ГАРМОНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
И ЕЕ КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Процессы развития глобализирующегося мира существенно влияют на разные стороны правовой жизни, имея одним из главных магистральных направлений собственно глобализацию права как обладающего верховенством важнейшего цивилизованного регулятора общественных отношений. Глобализация права носит сложный, внутренне противоречивый характер, сопровождается как сближением и усилением взаимовлияния национальных правовых систем, расширением наднациональных начал в правовом регулировании, так и нарастанием конкуренции юрисдикций, фрагментацией международного права, обострением коллизий при его реализации в соотношении с внутрисударственными нормами.

Дискуссия вокруг пределов уступчивости при исполнении в российском правовом порядке решений Европейского суда по правам человека, констатирующая нарушение Россией конвенционных обязательств, обнажает всю остроту и актуальность вопроса о роли международного права, испытывающего сегодня воздействие факторов возросшей геополитической напряженности и связанного с этим стремления переосмыслить его в реалистическом ключе, имея в виду идеологему мирового лидерства, глобального доминирования, национальной исключительности. Однако обсуждение проблем международного права и его импле-

ментации в российский правовой порядок было бы неверно сводить к подобным метаюридическим аспектам. И потому, что соответствующие вопросы, как верно замечено, не чисто российские и не порождены исключительно желанием России достойно ответить на принятые в отношении ее негативные меры², и потому, что сама идея международного права не обусловлена глобальным противостоянием, а ориентирована положительной направленностью на гармонизацию национального правового порядка в глобальном окружении.

Международное право, не будучи внеположно национальному правовому порядку, выступает по сути своеобразным методом коллективного государственного правосорчества, ориентированного на внутрисударственное исполнение и применение³. Поскольку основанием международного права служит консолидированная дипломатическим процессом конституционно обусловленная государственная воля, признание и уважение национально-государственного суверенитета, включая верховенство правовой системы, отражает объективно-принципный аспект международного права, служащего порождением, источником поддержания и укрепления суверенно-государственного партнерства и одновременно — цивилизованной, отвращающей агрессивное насилие формой преодоления межгосударственных разногласий. Понимание международного права с позиции реализуемого в условиях формального равенства признания и уважения государственного суверенитета предполагает необходимость учета того обстоятельства, что национальный правовой порядок не только не противостоит международному, а как бы прирастает его нормативным потенциалом,

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор более 150 научных работ, в т. ч.: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав граждан с участием профсоюзов» (в соавт.), «Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации», «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России», «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.), «Муниципальное право Российской Федерации» и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

² См.: *Маурин С. П.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 6. С. 1.

³ См.: *Вельяминов Г. М.* Международное право: опыт. М.: Статут, 2015. С. 149–152.

обретая в нем продолжение и подкрепление. Международно-правовые же нормы не существуют в отрыве от национального права, состоят в неразрывном системно-смысловом единстве, не могут приобретать регулятивных направлений и форм, нерелевантных его фундаментальным основам. Как таковое международное право не умаляет государственный суверенитет, в том числе созданием конвенционных органов, уполномоченных принимать обязательные решения по спорам о договорных правах и обязанностях государств-участников, поскольку обязательство следовать подобным решениям принимается посредством согласования позиций суверенных государств, воли которых юридически равноправны¹.

Соотнесению международного и национального права неадекватны ригористические подходы, отстаивающие соподчиненность того или иного, в том числе в виде концепции так называемого радикального юридического монизма. Речь должна идти о гармонизированном взаимодействии международных и внутригосударственных начал национального правового порядка, эксплицирующего и исторически сложившиеся в политическом сообществе, и воспринятые им в глобальной коммуникации как столь же обнадеживающие идеалы ценностные начала государственной организации общественной жизнедеятельности.

Это предполагает, с одной стороны, безусловное уважение многообразия правовых систем, гармонизация которых не должна отождествляться ни с отказом от национальных правовых традиций, ни с унификацией права. Скорее предполагается стремление к некоторой значимой и социально обоснованной мере соотносительности, принципно-целевой однородности основных подходов, которые опираются на достигнутый консенсус и являются гибкими настолько, чтобы при уважении общих принципов обеспечить учет национальных интересов. В этом плане и движение к европейскому конституционализму призвано, вероятно, отразить не бескомпромиссную монолитность по принципу: «никаких “если”, никаких “но”, никакой зависимости от культурных особенностей»², а национально-конституционную интеграцию через взаимообогащение государственно-правовых систем при сохранении юридического суверенитета³.

В то же время следование правовой аксиоме “*Pacta sunt servanda*” корреспондируется с таким же по характеру требованием “*Facta contra jus non valere*”, отрицающим легальность совершаемого вопреки праву. Нет оснований сомневаться, что легитимация международного договора должна восходить в конечном счете — и прежде всего — к конституции как высшей форме выражения всего политико-правового бытия народа. Именно конституция служит исходной нормативной основой для восприятия в национальном правовом поряд-

ке тех или иных правовых идей, ценностей, принципов, институтов, определяет как саму правомочность вступления в международное общение, так и исходные начала имплементации его итогов на условиях концептуально-содержательной тождественности конституционному строю. Будучи суверенно-властной формой институционализации свободы в ее сложившемся в данном социокультурном контексте понимании, государство, чтобы удерживаться в состоянии правопорядка, не может произвольно уклоняться от взятых на себя международных обязательств, но и не правомочно безоговорочно исполнять эти обязательства любой ценой, поскольку ничто не может являться основанием для отказа в уважении присущего каждой личности человеческого достоинства, и международные, в том числе юрисдикционные, механизмы носят в его обеспечении субсидиарный характер.

Гармонизация национальной правовой системы в условиях международного сотрудничества не может оцениваться вне конституционного измерения и является, по сути, специфическим преломлением конституционализации как последовательного развертывания в общественном правосознании, нормативном регулировании и правоприменительной практике идеологии и ценностно-нормативного потенциала Конституции. Особая и возрастающая роль отводится здесь судебным, прежде всего конституционно-контрольным, органам, которые в условиях разделения властей ответственны за реализацию принятых государством обязательств даже в случаях, когда другие ветви власти от этого уклоняются, и способны восполнять характерный для международного права дефицит властно-обеспечительных контрольных средств. Будучи элементом конституционного механизма народовластия, национальные суды призваны также находить средствами правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости, неполитизированный баланс коллизионных ценностей и интересов, связанных с приверженностью глобальному взаимодействию на началах конституционно-правовой идентичности.

В качестве некоторых основных направлений конституционно-судебного обеспечения гармонизации российской правовой системы в условиях глобализации можно обозначить прежде всего: а) конституционное обоснование в виде конкретизации оснований и пределов имплементации международно-правовых норм, включая определение роли тех или иных наднациональных источников (в том числе нератифицированных) в национальном правовом регулировании; б) непосредственное применение международно-правовых принципов и норм для придания должной степени определенности в понимании критериев режима конституционности и оценки на их основе нормативных актов (отдельных положений), выявления конституционно-правового смысла отраслевых законов; в) обоснование направлений и форм преодоления конституционно дефектной дисгармонии национально- и наднационального права, включая скоординированное толкование, в том числе в отношении конституционных норм, практика применения которых может обнаруживать неопределенность с точки зрения

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П. Мотив. часть. П. 4.

² См.: Конвенция по правам человека под угрозой. Выступление Генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда на заседании ПАЕСЕ (Страсбург, 26 января 2016 г.). URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/01/26/7043923>

³ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 254.

ее соответствия международным требованиям; г) дисквалификация норм, влекущих вследствие отступления от конституционного принципа добросовестного выполнения международных обязательств нарушение конституционных прав и основ конституционного строя; д) обоснование стратегических ориентиров, отражающих с разной степенью императивности желательные направления совершенствования национального законодательства и практики правоприменения в духе повышения согласованности с международно-правовыми стандартами.

Конституционный Суд подчеркнул привержен логике диалога и компромисса, полагая, что в основе их налаживания во взаимоотношениях с наднациональными юрисдикционными органами лежит безусловное признание верховенства и прямого действия Конституции, отступления от которой не могут оправдываться ссылками на международное право. Вызвавшая немало споров правовая позиция Конституционного Суда относительно правомочности отказа России от исполнения международных обязательств¹ требует взвешенных оценок и допускает подобный отказ лишь в исключительных случаях, связанных с достоверно подтверж-

денным отсутствием иных возможных способов избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции, тогда как приоритетом является использование всех доступных средств гармонизированного с Конституцией исполнения актов наднациональной юрисдикции. При этом в содержательно-методологическом плане поиск гармонизированных конституционно обоснованных решений связан с предпочтениями, которые следует отдавать норме, обеспечивающей не просто более высокий уровень гарантирования основных прав и свобод человека, являющихся в сущности тождественными в их конституционном и международно-правовом понимании, а прежде всего саму возможность функционирования соответствующих прав в общей системе правового статуса личности в конкретном социально-историческом контексте как реальных, а не иллюзорных. Национальные власти, безусловно, пользуются прерогативой в оценке угроз, которые конкретные формы самореализации личности могут породить для прав и законных интересов других лиц, и определении пропорциональности реагирования на эти угрозы для обеспечения основанного на равноправии социального благополучия.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.